

Бурлаки и Трамп

Из истории коммунистического движения в США

ПРЕЗИДЕНТ США Дональд Трамп использовал празднование 250-летия США, чтобы предупредить американцев о "смертельной опасности коммунизма": "Сейчас в нашей стране наблюдается возрождение коммунистической угрозы, в том числе со стороны новоприбывших, которые разделяют идеи, полностью противоречащие нашему образу жизни", — сказал Трамп в своей праздничной речи перед американцами, назвав коммунизм "врагом Конституции".

Американские СМИ скептически отозвались о словах лидера США: настоящих коммунистов в США едва наберётся несколько тысяч человек, а их партия маргинальна. Под "коммунистами", объясняли американские обозреватели, Трамп имеет в виду демократических социалистов вроде мэра Нью-Йорка Зохрана Мамдани, "страшно далеких" от идей марксизма-ленинизма.

Однако слова президента США об "опасности коммунизма" заставляют улыбнуться писателя и путешественника Вадима Бурлака. И есть от чего. Его дед и бабушка, эмигранты из Российской империи, приехали в США создавать американскую Компартию.

— Их направила в США партия большевиков в 1906 году, — рассказывает Вадим Николаевич. — По сути, большевики спасли дедушку жизнь, потому что в царской России его обвиняли в участии в Очаковском восстании. "Старый мир" боялся революции и был суров к мятежникам — им грозила смертная казнь.

Однако дед будущего писателя Георгий, или Гарри, как будут называть его в Америке, даже не был матросом. Он работал грузчиком в Севастополе. Подпольно держал связь с большевиками, которые и помогли ему уехать в США, чтобы... построить там коммунистическую ячейку! И это Бурлаку-старшему и его жене удалось, а их дочь Энн Томпсон-Бурлак стала живой легендой коммунистического движения в США и одним из организаторов профсоюза сталелитейщиков в Пенсильвании.

— Старшая сестра отца, тётя Аня, с юных лет прониклась идеями коммунизма и вместе с товарищами создала достаточно крепкую организацию, — продолжает Вадим Бурлак. — Думаю, мои родственники сделали почти невозможное — смогли заинтересовать американцев чуждой для них идеологией. Ведь они всегда занимались бизнесом, а это капитализм. Но когда в России в 1917 году произошла революция, многие из числа интеллигенции и рабочих Америки поддержали её. Они оценили восьмичасовой рабочий день, введение оплачиваемых больничных и отпусков. Американцам это казалось чудом и роскошью.

В 1932 году семью Бурлаков попросили вернуться в Россию — дед был в компартии, и все эти годы не терял связи с Москвой. Никласу было 8 лет, и он обрадовался возможности изучить новую для него страну, а его юная сестра Анна уезжать отказалась — она не могла бросить соратников и активно вела борьбу с капитализмом. Через некоторое время её арестовали, а дальше — длительное пребывание в тюрьме. Анне и её шестерым соратникам за подстрекательство к свержению существующего строя грозила смертная казнь. Процесс проходил в Атланте, штат Джорджия, где работала коммунистическая ячейка.

— Но на тот момент тёте Ане не было двадцати одного года, а в США это люди, не достигшие совершеннолетия, их нельзя было отправить на электрический стул, — поясняет Вадим Николаевич.

Он вспоминает рассказы близких и самой Анны о том, что на зашиту молодых революционеров встала едва ли не вся Америка. Люди выходили на митинги и демонстрации с плакатами "Анне Томпсон-Бурлак — ни смерти, ни заключения!" И эти волнения сработали! Анну и её соратников власти отпустили, опасаясь массовых беспорядков.

Энн Бурлак-Томсон умерла в 91 году, в 2002 году, и её имя до сих пор привлекает исследователей американского левого движения. Статьи о ней опубликованы на сайтах известных американских университетов.

ВЕРНУВШИЙСЯ В СССР отец Вадима Бурлака Никлас во время войны стал разведчиком, дошёл до Берлина, где оставил надпись на Рейхстаге на английском языке. Некоторое время Бурлак-старший оставался в Москве, затем уезжал в США, сплотив организацию русских ветеранов, эмигрировавших в Америку в годы перестройки.

— Об отце слышали многие американцы, они знали, что папа на войне спас их соотечественника — военного лётчика. Его самолёт подбили, американец выпрыгнул с парашютом, но попал в зону сильного обстрела. Немцы вели шквальный огонь, уцелеть было почти нереально. Но тут вмешался случай.

Как вспоминает Вадим Николаевич, поблизости находилась разведгруппа его отца, который, увидев американца, вывел вперед свой танк, закрыв лётчика от обстрела. И всё же их зацепило.

— Они вместе оказались в госпитале, разговорились, и оказалось, этот лётчик знает сестру отца — Анну, которая стала для американцев настоящим символом борьбы за справедливость и права рабочих, — вспоминает Бурлак. — После войны он встретился с ней и рассказал, как её брат Никлас спас ему жизнь.

О подвигах Бурлака-старшего поведали и ругающему сегодня коммунистов Дональду Трампу, который приехал в Москву в 1987 году с делегацией предпринимателей и общался в той поездке с нашими ветеранами.

— Когда отец приехал домой, я спросил: "Ну как, что за парень-то?" — рассказывает Бурлак. "Авантюрист!" — улыбаясь, ответил отец. Трамп тогда дружелюбно относился к России, был полон надежд на сотрудничество и дружбу между странами.

По словам Вадима Бурлака, ещё одна встреча с Дональдом Трампом состоялась через несколько лет уже в Бостоне, где отец остался жить, поскольку врачи из-за проблем с сердцем запретили ему летать.

Никласу Бурлаку тогда хотели вручить за спасение лётчика-американца медаль "Пурпурное сердце". Трамп это подтвердил на встрече, но потом обещание награды почему-то забылось.

"Не сдержал слова", — сказал Никлас своему сыну и добавил, что не так расстроен отсутствием медали, сколько невыполненным обещанием: дал слово — держи.

Впрочем, вряд ли от Трампа можно было ожидать чего-то другого.

Ольга МОСКАЛЕНКО

Ведущие разработчики ИИ открыто заявляют о создании систем, успех которых в обеспечении материального изобилия может также привести к исчезновению значительной части рынка труда. В их представлении о будущем "источники кооперативного богатства" будут течь настолько обильно, что люди будут получать его "в соответствии со своими потребностями", а не в зависимости от количества отработанных часов на заводе. Если последнее предложение кажется вам знакомым, то это потому, что оно принадлежит Карлу Марксу.

СОЦИАЛИЗМ КРЕМНИЕВОЙ ДОЛИНЫ

"Технологические магнаты, такие как Илон Маск, предлагают нам будущее социализма сверху, где они сохраняют средства производства, в то время как все остальные получают пособие. Но если пособие щедрое, стоит ли нам беспокоиться о том, чьи ЦОДы?" — пишет профессор Лаборатории политики в области ИИ Университетского колледжа Лондона Норина Херц на сайте "Проджект синдикат".

На инвестиционном форуме Саудовская Аравия — США в ноябре 2025 года Илон Маск набросал картину будущего, в котором искусственный интеллект и человекоподобные роботы будут выполнять почти всю работу. Деньги, по его мнению, станут практически неактуальными. Работа станет "необязательной", скорее похожей на хобби, как, например, садоводство. Машины положат конец бедности, потому что каждый будет получать "всеобщий высокий доход" от государства.

Маск — далеко не единственный технологический магнат, разделяющий такое видение будущего. Демис Хассабис из "Гугл дипмайнд" предвидит эру "радикального изобилия", в которой ИИ обеспечит необычайную производительность и процветание, а выгоды будут распределены "справедливо". Мустафа Сулейман из "Майкрософт эй-ай" выступает за "универсальное базовое обеспечение", которое рассматривало бы доступ к мощным системам ИИ и цифровым услугам почти как право. А Сэм Алтман из "Оупен эй-ай" предложил "Американский фонд акций", который облагал бы крупные компании и частную землю налогом в размере 2,5% в год, чтобы выплачивать ежегодные дивиденды каждому взрослому жителю США.

"Являются ли самые известные представители капитализма на самом деле скрытыми социалистами? — задаётся вопросом Херц. — В некотором смысле, да. Люди, создающие передовую искусственный интеллект, необычайно откровенны в вопросах распределения богатства. Они признают, что если машины будут выполнять задачи дешевле, чем люди, доля труда в национальном доходе сократится. Если заработная плата исчезнет, людям понадобится другой способ прокормить себя и

СЫТОЕ РАБСТВО?

Искусственный интеллект или построит новый социализм, или укрепит власть корпораций

обеспечить себя жильём, а экономике потребуются новые механизмы для поддержания покупательной способности".

Но если внимательно присмотреться к предложениям технологических лидеров, то можно заметить, что их кажущаяся приверженность социализму быстро угасает. Алтман не выступает ни за контроль рабочих над "Оупен эй-ай", ни за государственную собственность на инфраструктуру. Он хочет, чтобы правительства обобщали только прибыль, хотя "всеобщий высокий доход" мог бы помочь разделить выгоды. Чины, модели и платформы, которые эти выгоды приносят, останутся в руках чрезвычайно богатой группы лиц.

Это не будет социализм в том виде, в каком мы его знаем. Крошечная элита будет владеть "контрольными высотами" искусственного интеллекта, а всем остальным будет выдаваться чек или какая-то цифровая пайка. Этой суммы будет достаточно для жизни, но недостаточно, чтобы бросить вызов власти имущим.

Но если предлагаемый универсальный доход достаточно высок, чтобы обеспечить комфортную жизнь, некоторые возразят, то не имеет значения, кому принадлежат алгоритмы и центры обработки данных.

"Есть как минимум три причины для скептицизма, — считает Херц. — Во-первых, нам говорят, что щедрые дивиденды от ИИ появятся, когда преимущества в производительности будут полностью реализованы. Но история показывает, что как только богатство и право собственности закреплены, бенефициары редко добровольно отказываются от своих инвестиций. Уже сейчас на долю нескольких компаний, занимающихся ИИ и платформами, приходится поразительная доля глобальной корпоративной стоимости.

К тому времени, когда появится какая-либо серьёзная схема получения дохода, финансируемая за счёт ИИ, большая часть этой стоимости уже будет преобразована в концентрированные акции и династическое богатство. Просить сегодняшних магнатов ИИ приспособить эту структуру к принципам эгалитаризма — это всё равно что просить владельцев мельниц викторианской эпохи изобрести государство всеобщего благосостояния.

Во-вторых, даже если какая-то схема распределения и будет реализована, что будет с подавляющим большинством стран, в которых нет передовых компаний, занимающихся искусственным интеллектом? Если местные рабочие места будут автоматизированы, а прибыль будет накапливаться в Калифорнии, Сиеэтле или Шэньчжэне, кто именно будет финансировать доходы их граждан? Основатели компаний, занимающихся ИИ, на удивление молчаливы по этому вопросу.

В-третьих, ежемесячная зарплата — какой бы щедрой она ни была — не заменяет осмысленной жизни. Работа уже давно является одним из главных способов нашего вклада в общество. Именно так мы доказываем себе и другим, что мы важны. Она придаёт нашей жизни цель, структуру и значимость. Без неё мы рискуем превратиться в общество пассивных наблюдателей — сытых, постоянно развлекаемых контентом, созданным искусственным интеллектом, и обслуживаемых человекоподобными роботами, но лишённых достоинства, которое приходит от заботы о других и ощущения собственной значимости.

Такая стипендия может успокоить, но она также может стать искрой, разжигающей восстание. Население, обеспеченное материально, но политически бесправное, вряд ли останется вечно покорным".

"Таким образом, даже если правительствам удастся найти способ обеспечить всеобщий высокий доход и гарантировать значимую социальную заинтересованность в преимуществах ИИ, решение проблемы масштабной автоматизации не может заключаться просто в обложении роботов налогом и покупке всем по новой "Тесла". Доход важен, но важна и свобода воли".

"Это, — считает Херц, — означает обеспечение того, чтобы правительства и гражданское общество сохраняли контроль над развивающейся сферой искусственного интеллекта. Правила, ограничения и гарантии не могут быть оставлены на усмотрение влиятельных архитекторов частного сектора. Более того, значительная часть любых будущих достижений в области ИИ должна быть потрачена на конкретные блага, относящиеся к "человеческой экономике": уход, образование, искусство, местная демократия. Цель будет заключаться не в создании бессмысленных рабочих мест, а в поддержании идеи о том, что гражданство базируется на вкладе в общество.

И наконец, нам понадобятся глобальные механизмы, чтобы уберечь страны, не обладающие передовыми достижениями в области ИИ, от участи стать жертвами автоматизации. Одним из вариантов мог бы быть Международный дивидендный фонд ИИ, финансируемый за счёт небольшого сбора с прибыли или использования вычислительных ресурсов крупнейших компаний, занимающихся ИИ и облачными технологиями, с выплатами, направ-

ляемыми в страны, наиболее пострадавшие от автоматизации. Такая схема была бы несовершенной и политически сложной в реализации, но, по крайней мере, она дала бы ответ на вопрос, который Маск и его коллеги проигнорировали: кто заплатит за всех остальных?

Технологические гиганты предлагают нам будущее социализма сверху: они сохраняют средства производства, а мы получаем пособия. Наша задача — продвигать демократию снизу. Это означало требовать не только долю богатства, созданного искусственным интеллектом, но и власть формировать и контролировать средства его создания".

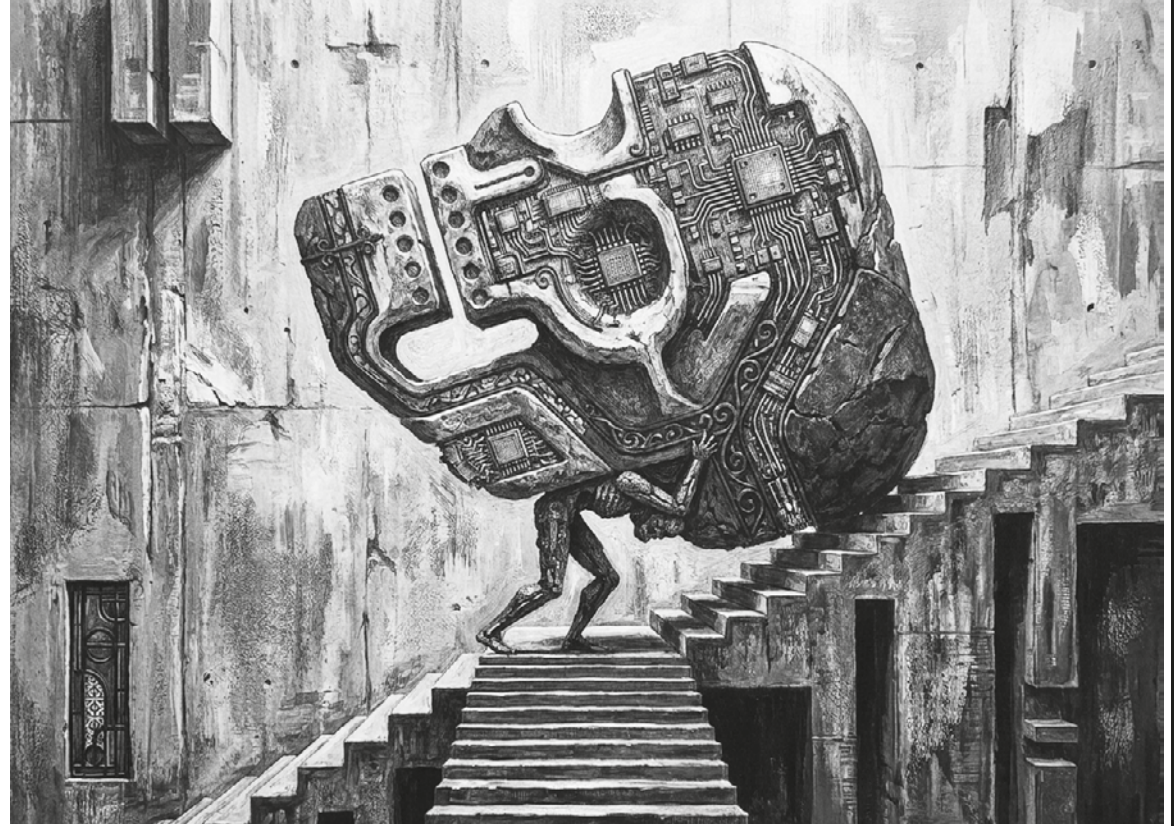
КОРПОРАТИВНЫЙ ИИ ПРЕДСТАВЛЯЕТ УГРОЗУ СВОБОДЕ

"Если ИИ останется под контролем компаний, максимизирующих прибыль, либеральная демократия может превратиться в иллюзию. Общественности срочно нужно понять, что свобода зависит от защиты человеческой самостоятельности от вторжений машин, призванных формировать мышление и чувства так, чтобы они благоприятствовали корпоративному, а не человеческому процветанию", — пишет профессор Нью-Йорской школы права Ричард К. Шервин в своей статье на сайте "Проджект синдикат".

"Частные корпорации, особенно транснациональные компании с доступом к огромным объёмам капитала и данных, угрожают человеческой деятельности, интегрируя ИИ в свои продукты и системы. Цель — максимизировать прибыль, которая не всегда способствует общественному благу (как показывают серьёзные социальные, политические и психические последствия социальных сетей).

ИИ сталкивается с либеральными демократиями, которые волнует экзистенциальный вопрос: если они останутся под контролем частного сектора, как (перефразируя Авраама Линкольна) правительство народа сможет не исчезнуть с Земли?"

Эта угроза — не просто гипотеза. В недавнем исследовании, где участвовали почти 77 тысяч человек, те 51% из них, кто использовал модели ИИ для обсуждения политических вопросов и чат-боты, созданные для убеждения, оказались более управляемы, чем те, кто не был обучен этому способу. В другом недавнем

исследования (проведённом в Канаде и Польше) примерно один из десяти избирателей рассказал исследователям, что разговоры с чат-ботами на базе ИИ убедили их перейти от отказа поддержать конкретных кандидатов к их поддержке.

"Знакомая доктрина свободы слова плохо подходит для цифрового рынка, сформированного повсеместными алгоритмами, которые тайно выступают в роли инфлюенсеров ИИ", — пишет Шервин.

"Пользователи онлайн-сервисов могут думать, что получают желаемое — основываясь, например, на предыдущих выборах просмотра или покупках. Но обширные методы, с помощью которых алгоритмы "подталкивают" пользователей к тому, чего хочет конкретная корпоративная платформа, остаются неясными, скрытыми в глубинах проприетарного кода (исходный код программного обеспечения, который является интеллектуальной собственностью его разработчика или правообладателя и не доступен для свободного изучения, модификации или распространения пользователями. — Ред.). В итоге не только "контрречь" вряд ли сможет преодолеть запрограммированные барьеры, но само восприятие и ощущаемая потребность противодействовать вреду будет подавляться в самом источнике".

"Корпоративные ориентированная политика предполагает, что весь такой контент создаётся пользователями — просто люди обмениваются идеями и выражают свои предпочтения. Но "Мета"", "ТикТок", X* и другие едва ли предлагают нейтральную платформу для пользователей. Их существование основано на предположке, что монетизация внимания чрезвычайно прибыльна.

И теперь корпорации стремятся увеличить прибыль не только за счёт маркетинга различных сервисов ИИ, но и внедряя их, чтобы максимально эффективно использовать время, проводимое пользователями в интернете, тем самым увеличивая их внимание таргетированной рекламы. Если удержание внимания пользователей означает тайное распространение определённой информации и блокировку других, или предлагаемую лесть и необдуманную поддержку с помощью ИИ — пусть так...

Правительства предают свою обязанность защищать осмысленное осуществление свободы, когда не регулируют онлайн-маркетинг, направленный на скрытое манипулирование предпочтениями. Как и заранее подготовленные ложные заявления, которые читаются мошенничеством, когда речь идёт о коммерческих товарах или услугах, намеренно скрытая или замаскированная корпоративная манипуляция с поведением ради прибыли выходит за рамки того, что Верховный суд США считает "плодотворным осуществлением права на свободу слова".

"Закон и государственная политика должны донести современные условия и угрозы, которые корпоративный ИИ несёт свободе в цифровую эпоху. Если ИИ действительно становится достаточно могущественным, чтобы править миром, правительства в свободных обществах должны убедиться, что он служит — или, по крайней мере, не вредит — общественному благу".

КАК ОБЛАГАТЬ НАЛОГОМ ИИ

"Реагируя на экономическую нестабильность всё более грубыми инструментами, такими как повышение минимальной заработной платы, политики упускают из виду более глубокую проблему: ускоряющийся отрыв времени, затрачиваемого человеком на труд, от экономической ценности. Единственное решение — признать машинное время отдельным производственным ресурсом и установить за него соответствующую цену", — пишет в "Проджект синдикат" основатель "Спарк икс" Сами Махрум.

"Обещание избранного мэра Нью-Йорка Зохрана Мамдани повысить минимальную почасовую заработную плату до 30 долларов отражает дилемму, которая преследует большинство развитых экономик. Даже при повышении минимальной заработной платы работники чувствуют себя менее защищёнными".

На протяжении двух столетий рынки труда были основаны на этой взаимосвязи. Заработная плата, контракты и социальная защита исходили из предположения, что время является надёжным показателем производительности труда. Но искусственный интеллект разорвал эту связь. Медицинские диагносты, которые годами осваивали распознавание образов, теперь конкурируют с системами, обрабатывающими дела за секунды. Юристы, использующие ИИ-агентов, могут выполнять задачи за минуты, на которые в противном случае ушли бы часы. Вопрос уже не в том, не грозит ли превышение минимальной заработной платы, а в том, остаётся ли вообще осмысленной оплата труда, основанная на времени.

"Что же делать? — задаёт вопрос Махрум. — Для начала, налоговая система должна признать машинное время отдельным производственным ресурсом и установить для него соответствующую цену. Речь идёт не о "налоге на роботов", а скорее о чём-то вроде сбора за измеримые ресурсы, использующего данные, которые уже отслеживаются в режиме реального времени.

Решением здесь может стать налогообложение "часов ИИ": вычислительного времени, затрачиваемого системами ИИ на выполнение экономических эффективных задач. Поскольку вычислительное время уже точно учитывается для целей выставления счетов в облачной индустрии, которая лежит в основе большинства корпоративных сервисов ИИ, часы ИИ являются одной из тех редких налоговых баз со встроенными, автоматически регистрируемыми журналами аудита".

Но что насчёт глобального аспекта? Поскольку часы работы ИИ становятся центральным элементом производства, товары и услуги, созданные с использованием неочениваемого машинного времени, могут вытеснить те, которые не являются таковыми. "К счастью, — пишет Махрум, — у нас уже есть способ справиться с таким арбитражем. Механизм цифровой корректировки границ (DBAM) мог бы потребовать от компаний раскрывать информацию о содержании часов работы ИИ в торгуемых товарах и трансграничных цифровых услугах, аналогично уже действующим механизмам корректировки границ для углеродных квот. Внедрение не составит труда, поскольку правила трансфертного ценообразования уже требуют от

транснациональных корпораций предоставления сопоставимой документации".

ИИ ЯВЛЯЕТСЯ КЛЮЧОМ К ЧЕТЫРЁХДНЕВНОЙ РАБОЧЕЙ НЕДЕЛЕ

Как рассказал основатель и генеральный директор нью-йоркской дизайнерской и стратегической компании "Рокет-эйр" Тейлор Розенбауэр, разработанный внутри компании инструмент на основе ИИ помогает стратегам и дизайнерам анализировать огромные массивы данных от клиентов для создания новых цифровых продуктов для брендов. В компании уже три года действует четырёхдневная рабочая неделя, а сотрудники работают в режиме концентрированных двухнедельных спринтов с жёсткими сроками.

По словам Джуклет Шор, экономиста и социолога из Бостонского колледжа, малые и средние предприятия часто вводят сокращённую рабочую неделю, чтобы конкурировать с высокими зарплатами за привлечение новых сотрудников и удержание персонала.

Компания "ПикТео", базирующаяся в Лондоне, использовала ИИ для выполнения повторяющихся задач, таких как выставление счетов и создание документов, а также помогла отделу продаж обрабатывать данные для поиска новых потенциальных клиентов. Хотя сокращённая рабочая неделя и инициативы по внедрению ИИ были отдельными проектами, генеральный директор Алекс Воукс отметил, что стало ясно: они дополняют друг друга.

"Это идеальное сочетание автоматизации, вовлечённости сотрудников и гордости за свою работу", — сказал Воукс. По его словам, сотрудники находили смыслы в своё свободное время, активнее участвуя в жизни сообществ или начиная творческие проекты.

Билл Гейтс, сооснователь "Майкрософт", в 2025 году предположил, что сокращённая рабочая неделя может наступить очень быстро. "С развитием ИИ в течение следующего десятилетия ИИ станет бесплатным и обыденным явлением. Какими будут рабочие места? Должны ли мы просто работать два или три дня в неделю?"

Генеральный директор "Зум" Эрик Юань ожидает, что у сотрудников будут "цифровые двойники", или боты с ИИ, которые смогут работать вместе с ними, выполняя такие задачи, как управление электронной почтой, объединение сообщений и участие в совещаниях, на которые они не могут попасть. Цель состоит в том, чтобы в течение пяти лет ввести трёх- или четырёхдневную рабочую неделю, сказал он. В настоящее время в компании действует гибридная политика работы, при которой сотрудники приходят в офис несколько дней в неделю.

Компании, внедрившие четырёхдневную рабочую неделю, утверждают, что ИИ, как ни парадоксально, помогает им создавать более гуманную рабочую среду.

Владимир ОВЧИНСКИЙ

* Компании, нарушающие законодательство РФ, компания "Мета" признана экстремистской и запрещена